

как

ЛЮБИТЬ

генри
манс

ЖИВОТНЫХ

в мире,
который
создал
человек

*Книга 2021 года
по версии The Guardian*

Генри Манс
Как любить животных в
мире, который создал человек
Серия «Есть смысл»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67509249

*Как любить животных в мире, который создал человек: БФ «Нужна
помощь»; Москва; 2022*

ISBN 978-5-6046470-4-2

Аннотация

Все мы любим животных. Но делает ли это их жизнь легче? Человек в XXI веке продолжает массово рубить леса, загрязнять мировой океан, убивать миллионы особей на фермах и чрезмерно охотиться. Почему, несмотря на нашу любовь, животным в нынешнее время приходится особенно тяжело? И можем ли мы изменить мировую экономику так, чтобы прекратить их эксплуатацию?

Эта книга о том, что для животных можем сделать мы, а также о том, как нам стоит учитывать их мировосприятие в ходе неустанного развития нашего общества. Генри Манс анализирует наши отношения с фауной на протяжении тысячелетий с точки зрения этики, экономики и экологии. Он предлагает способы

прекратить эксплуатацию животных в век декларации новой этики и гуманизма.

Содержание

Информация от издательства	7
Введение	8
1. Краткая история человека и других животных	44
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Генри Манс

Как любить животных в мире, который создал человек

© Henry Mance 2021

Henry Mance has asserted his right to be identified as the author of this Work in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act 1988.

First published by Jonathan Cape in 2021

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. БФ «Нужна помощь», 2022

* * *

ГЕНРИ МАНС

КАК ЛЮБИТЬ ЖИВОТНЫХ

В МИРЕ, КОТОРЫЙ СОЗДАЛ ЧЕЛОВЕК

ЕСТЬ СМЫСЛ
МОСКВА 2022

Информация от издательства

HOW TO LOVE ANIMALS

Издано с разрешения Henry Mance c/o Felicity Bryan Associates Ltd. при содействии Andrew Nurnberg Associates International Ltd. c/o Andrew Nurnberg Literary Agency

На русском языке публикуется впервые

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

* * *

Элизе, которая когда-то думала, что она «very-тарианка», и Клео, которая иногда считает себя тигренком

Введение

Любовь – это крайне сложное осознание, что реально что-то еще, кроме тебя самого. Любовь... это открытие реальности.

Айрис Мёрдок

Чтобы поддерживать некое подобие целенаправленного поведения на нашей планете, надо верить, что есть вещи правильные и неправильные.

Джозан Дидион

Я стал свидетелем того, как видеоролики с котами разрушили лучшие умы моего поколения. Домашние любимцы скользили по отполированным полам, запрыгивали в ящики и забавно промахивались, поскольку не могли рассчитать траекторию, чтобы точно приземлиться на соседнюю крышу. Это был золотой век интернета – еще до того, как там появились антиваксеры с антиантифашистами и все испортили.

Эти ролики говорили что-то о нас самих. Мы считаем, что любим животных. Мы поглощаем документальные фильмы о дикой природе, нам греют душу истории о способностях братьев наших меньших. Мы предпочитаем политиков, которые с ними обнимаются: их питомцам переизбраться было бы даже проще, чем им самим.

Но любовь к животным сопровождается невольным чув-

ством вины. В глубине души мы понимаем, что наше общество движется в неверном направлении. Под давлением мы готовы признать, что большинству сельскохозяйственных животных живется, наверное, не так уж хорошо, а дикие зачастую теряют места обитания. Нам хотелось бы, чтобы все было по-другому, но за изобилие приходится платить.

И что в результате? Мы вообще особенно не задумываемся о существовании животных и стараемся не углубляться в эту тему, хотя они дают нам значительную часть пищи и одежды, хотя благодаря им расцветали и приходили в упадок целые человеческие общества и хотя они, наверное, останутся в этом мире, когда нас в нем уже не будет.

Наша планета кажется нам планетой людей. Я горожанин, как большинство мирового населения сегодня, и за весь день могу заметить от силы пару животных: пройду мимо голубей, смахну плодовую мушку, осторожно сниму свою кошку Крамбл, устроившуюся на уголке журнала, который я как раз собрался почитать, а потом вернусь к своим делам. Животные становятся героями клишированных метафор и затейливых логотипов, но не как представители большинства наделенных чувствами живых существ. Люди – один из приблизительно пятисот видов приматов, один из шести тысяч четырехсот видов млекопитающих и, по нашим лучшим прикидкам, один из семи-восьми миллионов видов животных. Часто ли мы это признаем?

Думая о животных, мы разбиваем их на виды и группы:

коровы, собаки, лисы, слоны и прочее, а потом назначаем им место в нашем обществе. Корова попадает на тарелку, собака — на диван, лиса — к мусорному баку, слон — в зоопарк, а миллионы диких животных остаются *где-то там*, снаружи, и им повезет, если Дэвид Аттенборо покажет их в своем следующем сериале. Способность разделять все на категории удивительно полезна: благодаря ей мы находим пищу, компаньонов и развлечения, держимся подальше от опасных зверей, а еще избавляемся от философских диспутов всякий раз, когда нам хочется съесть сэндвич. Эта способность спасает нас от угрызений совести за само наше существование.

Однако эти категории крайне хрупки. И сейчас они просто разлетаются вдребезги. Почти каждый день преподносит нам новые прозрения о существах, живущих с нами рядом. Теперь уже понятно, что животные, к которым мы относимся как к еде, — особенно свиньи и коровы — имеют сложную психику и социальную организацию. Животные, которых мы исторически считаем лишними, — в том числе волки и бобры — оказываются крайне важны для живого мира. А животных, которых мы считаем бесценными, — например ягуаров и орангутанов — человеческий прогресс лишает родных мест.

Такое разграничение говорит скорее не о животных, а о нас. Чем больше мы любим животных ради них самих, тем сильнее это деформирует наши привычные категории. Подавляющее большинство жителей западных стран считают неправильным, что в Японии иногда едят китов, в Южной

Корея – собак, а в Камбодже – крыс. Но попробуйте объяснить, почему свиней и коров есть можно, а китов и собак нельзя, и вы попадете в философскую «кротовую нору», как киллер из «Криминального чтива» Тарантино, который начал доказывать, что собаки не могут быть грязными животными, потому что «у собак есть личность». Так ведь личность есть и у свиней. Почему в таком случае нормально было в этом году забить полтора миллиарда свиней, а убийство собаки вызывает возмущение? Почему держать в голых загонках свиней нормально, а собак – нет? Почему поймать десятков китов морально неприемлемо, а использовать рыболовные сети, в которых запутываются сотни дельфинов, – допустимо?

Проще говоря, к важнейшим ценностям западного общества относятся и любовь к животным, и рациональное мышление, но то, как мы обращаемся с животными, не соответствует ни тому ни другому и связано с традициями и инерцией. Никто не проголосовал бы за грядущее массовое вымирание диких животных – уж конечно, не они сами. Непонятно, как мы будем оправдываться за это перед следующим поколением, но это происходит на наших глазах. Чарльз Дарвин пришел к выводу, что краснеть от стыда – самое человеческое из всех проявлений чувств, и это очень хорошо, потому что поводов для этого у нас предостаточно.

До удара коронавируса оптимисты любили заявлять, что сейчас лучшее время за всю историю, чтобы быть человеком.

Если можно было бы выбрать исторический период, следовало бы выбрать современность. А что бы выбрали другие животные? Если бы сегодня вы появились на свет каким-то другим млекопитающим, с очень большой вероятностью вы родились бы на промышленной ферме и жили бы в тесноте и неестественных условиях. На больших агропредприятиях коровы производят, наверное, в четыре раза больше молока, чем они давали век назад, а ожидаемая продолжительность жизни у них при этом сократилась. Если бы вы оказались диким животным, риск утраты мест обитания – или изменений климата, к которым вы не сможете приспособиться, – был бы выше, чем у предыдущих поколений вашего вида. Согласно Индексу живой планеты, популяции диких животных с 1970 года сократились в среднем на две трети. Поскольку торговля животными растет, особенно в Азии, вас могли бы забрать из родных мест и держать в кошмарных условиях – вероятность этого велика как никогда. Конечно, можно позавидовать современной американской собаке, которая лениво разлеглась на диване, по прихоти хозяев получила аккаунт в «Инстаграме» и лакомится органическим печеньем, но при случайной реинкарнации стать курицей на американской промышленной ферме вероятнее как минимум раз в двадцать. Если спросить животных, когда они хотят родиться, выберут ли они наши дни? Сомневаюсь.

А что бы произошло, если бы мы думали о животных – *всех* животных? Может быть, мы стали бы получать пищу из

каких-нибудь других источников, пересмотрели бы свое отношение к миру природы и иначе взглянули на животных в зоопарках?

Как и многие другие, я влюбился в животных, потому что они казались мне красивыми. У нас в семье была собака, и родители водили меня в зоопарки. Мы смотрели по телевизору скачки Grand National, и меня всегда интересовало, почему лошадей, оставшихся без жокеев во время забега, дисквалифицируют: разве не любопытно, что, когда человек упал, они начинают бежать быстрее? В университете я ненадолго стал вегетарианцем по экологическим соображениям, пока случайно не выбрал плохой вариант в выпадающем меню и не оказался обречен на сырую морковь во время долгого авиаперелета. Когда мне было за двадцать, я увлекся фотографией и стал просто одержим желанием передать скорость колибри, подробности строения кузнечиков и прочие чудеса животного мира. В духе Джорджа Беста 90 % средств я тратил на объективы для фотокамеры, а остальное просто транжирил.

Фотографии животных – вне конкуренции! Полдюжины серебряных рыб переливаются в воде у дока. Орангутан с Борнео беспечно повис между деревьев. Молодой бегемот пасется на колумбийской ферме, когда-то принадлежавшей Пабло Эскобару – наркобарону, который, в отличие от меня, считал сырую морковку сытной едой. Чем больше присматриваешься к существам, которые живут рядом с нами, тем

больше они поражают. Как-то раз во время одной из моих фотографических вылазок я плыл обратно и наблюдал, как тупики борются с ветром Северного моря, возвращаясь к себе в гнезда. Маленький мальчик, стоявший рядом, искренне прошептал родителям: «Обожаю тупиков!» И я люблю тупиков, подумал я. А что я сделал для них, если не считать фотографий? Стало ли им хоть чуточку лучше от моего восхищения? Отплатил ли я за удовольствие, которое они мне принесли? Я был любителем животных теоретически, но, наверное, не на практике.

Сегодня мы обращаемся со словом «люблю» очень свободно и применяем его ко всему – от родителей до подкладок под тарелки. Айрис Мёрдок считала, что любовь – это центральное понятие моральной философии и сила, которая выводит нас за пределы собственного себялюбия. Любовь, с ее точки зрения, зиждется на умении обращать внимание на других: это подводит нас к тому, чтобы задуматься об их благополучии и справедливо вести себя по отношению к ним. Хотя Мёрдок имела в виду любовь к людям, ее мысль без труда распространяется и на наше отношение к другим живым существам. Оно предполагает любовь не на словах и в декларациях, а на практике, во внимании к индивидуальности другого и размышлении о наших собственных предубеждениях.

И я решил устроить себе проверку. Мне стало интересно, отражается ли моя любовь к животным на моем поведении

или – подобно любви к артхаусным фильмам – в основном остается в теории. Смотреть документальные фильмы о природе и изумляться чудесам мира животных – это, конечно, прекрасно, но мне захотелось что-то сделать. Я захотел увидеть больше, чем физическую красоту животных, понять их место в нашем мире. Я захотел посмотреть в глаза реальности ферм и скотобоев, зоопарков и зоомагазинов, лесов и океанов. Справедливо ли я обращаюсь с животными? Если нет, как мне это исправить? Это была «проверка животными». Опыт, который я получил, вывел меня из пузыря и во многих отношениях изменил мою жизнь. Я уверен, что подобный опыт может изменить и то, как живем все мы.

А почему, собственно, нам вообще нужно справедливо относиться к животным?

* * *

В психологии есть знаменитый эксперимент: детей оставляют в комнате с зефиркой и говорят, что если подождать и не съесть ее сразу, то им дадут еще одну. Дошкольники держатся в среднем меньше десяти минут, а потом сдают. Это очень типично для человека: нам сложно сдерживать наши желания и планировать будущее.

Но исключительно ли человеческая это особенность? Схожий эксперимент провели на шимпанзе: рядом с ними клали приманки, и чем большее терпение они проявляли,

тем больше их накапливалось. Обезьяны справились не хуже детей – некоторым удалось продержаться до двадцати минут – и даже применяли те же приемы, чтобы не съесть лакомство, например отвлекали себя игрушками. Тем временем африканский попугай жако, которому предлагали подождать и получить более вкусный орех, сумел устоять перед искушением почти пятнадцать минут. Такие примеры показывают, что как минимум некоторые животные имеют представление о будущем: они способны оценивать разные варианты и проявлять то, что у людей мы так любим называть «свободой воли».

На протяжении многих лет мыслители от Аристотеля до Карла Маркса пытались выделить способности, присущие только человеку. Когда-то мы были видом, который производит орудия труда. Потом Джейн Гудолл увидела, как дикие шимпанзе обрабатывают палочку, чтобы ловить ею термитов. Теперь уже ясно, что это не единственный пример: есть даже теория, что кобры в ходе эволюции научились плевать именно для защиты от вооруженных орудиями приматов. Другие животные не просто применяют инструменты, но и изготавливают их. Недавние эксперименты показали, что новокаледонские вороны собирают инструменты из нескольких деталей, чтобы достать из коробки еду, – причем подобная деятельность очевидно доставляет им удовольствие.

Некоторые животные улавливают психические концепции. Крупные попугаи кеа из Новой Зеландии инстинктивно

понимают вероятность. Если предложить этим птицам две банки со смесью вкусного и невкусного, они выберут не ту, где вообще вкусовостей больше, а ту, где выше их содержание. Еще кеа понимают, что когда исследователь выбирает из банки лакомства, то чаша весов отклоняется. Размер и устройство птичьего мозга ограничивает их способности куда меньше, чем нам может показаться. Некоторые попугаи и шимпанзе умеют пользоваться словами: когда шимпанзе научили словам «зеленый» и «банан», они придумали фразу «зеленый банан» для обозначения огурца. Луговые собачки предупреждают о появлении койотов, собак, людей и красныххвостых сарычей разными сигналами; более того, если они сталкиваются с объектом, который никогда раньше не видели, они независимо друг от друга придумывают один и тот же позывной для его описания. Сложное общение не ограничивается млекопитающими. Пчелы с помощью своего рода танца внутри улья сообщают друг другу о месте, где есть нектар. Танец связан с расположением солнца, и насекомые помнят разные варианты для многих дней. Экспериментаторы даже устроили «пчелиный футбол»: пчелам давали подслащенную сахаром воду, когда те клали шарик в отверстие, и пчелы, которые до этого никогда ничего подобного не делали, находили более эффективный путь к цели. В дикой природе пчелы не сталкиваются с такими задачами, но «они, видимо, не просто копируют, а имеют некое представление о желаемом результате», утверждает Ларс Читтка, профес-

сор психологии из Лондонского университета королевы Марии. Пауки плетут паутину всеми восемью лапками, но даже потеряв одну или несколько конечностей – что бывает с ними регулярно, – все равно могут плести аналогичные сети. Одно из объяснений заключается в том, что у них есть психический образ конструкции и они корректируют свое поведение согласно обстоятельствам. Мозг у них, быть может, невелик, но те возможности, которые у них есть, используются эффективно.

С определенной долей уверенности мы можем утверждать, что некоторые животные узнают себя в зеркале. Это говорит о том, что они осознают свое существование, что само по себе является предпосылкой для понимания эмоций других существ. Животные способны осваивать полезные формы поведения и делиться опытом. Когда в Великобритании стали производить бутылочки с молоком, закрытые фольгой, лазоревки и большие синицы придумали, как их открывать, и этот прием распространился по всей стране. Благодаря подобному обучению и подражанию внутри одного вида могут сложиться разные культуры: например, из-за разной среды обитания или благодаря простому экспериментированию разные группы слонов или китов могут делать некоторые вещи по-разному. Это отголосок различий между человеческими сообществами.

Итак, другие животные обладают интеллектом. А что они чувствуют? В голову к горилле – как и к любому челове-

ку – не залезешь. Спросить животных, что они чувствуют, тоже не получится. Однако мы можем наблюдать за их поведением и изучать их организмы, отбросив представления об их ограниченности. Еще можно попробовать углубиться в рациональное обоснование их поведения и, например, провести тесты, где им приходится выбирать и тем самым проявлять свои предпочтения. Например, люди испытывают боль посредством специализированных нервных окончаний, центральной нервной системы и неокортекса головного мозга. Подобные структуры есть и у других млекопитающих; по-видимому, у птиц часть мозга тоже выполняет аналогичные функции. Более того, испытав воздействие болезненного стимула, многие животные учатся его избегать или готовы платить за доступ к обезболиванию так же, как мы бредем в аптеку, когда головная боль совсем замучила.

Эти доказательства неизбежно подводят нас к выводу, что у животных есть эмоции. Когда африканские слоны встречаются друг с другом после разлуки, они выбирают приветствие в зависимости от того, с кем имеют дело и насколько хорошо они его знают. «Даже если придерживаться строго научных методов, у меня нет ни тени сомнения, что слоны радуются, вновь находя друг друга, – пишет Синтия Мосс, один из пионеров в области исследования поведения слонов. – Может быть, эта радость непохожа на человеческую и даже несравнима с ней, но она играет очень важную роль во всей их социальной системе».

Еще в 1987 году в книге Oxford Companion to Animal Behaviour говорилось, что животные «ограничены всего несколькими базовыми эмоциями»: страхом, радостью и, может быть, гневом. В университете у меня были сверстники с тем же набором. Но если определить горе как изменение поведения после кончины родственника, можно сказать, что африканские слоны горюют. В 2018 году у берегов Британской Колумбии погиб детеныш косатки. Его мать многократно ныряла в воду, чтобы достать его. Она, вероятно, прекрасно понимала, что произошло, и тем не менее несла его как минимум семнадцать дней и полторы тысячи километров. Другие косатки и дельфины носят умерших детенышей до недели. Мы не знаем, насколько широко распространено это поведение в животном мире, но материнский инстинкт не ограничивается млекопитающими: были наблюдения, что детенышей стерегут некоторые змеи.

На первый взгляд честность – довольно сложный расчет, на который способны только люди. Однако по логическим причинам другие животные в ходе эволюции тоже стали сотрудничать и не рискуют обижать сородичей. Такое понимание есть у некоторых приматов и собак – они, например, делятся пищей. На самом деле мы, скорее всего, не единственный вид, проявляющий альтруизм по отношению к другим видам: исследователь Джойс Пул отметил случай, когда самки слонов охраняли сломавшего ногу погонщика. (Справедливости ради надо заметить, что сломал ее тоже слон, пусть

и случайно.)

Бывают ли у животных перепады настроения? Люди иначе реагируют на неоднозначный стимул, если ему предшествовал положительный стимул; именно поэтому они, например, покупают лотерейные билеты, когда у них хороший день. Аналогично свиньи проявляют больше оптимизма – например, охотнее изучают новые предметы, – если у них хорошее, просторное жилище и в достатке соломы. Оптимистично бывают настроены и пчелы.

Есть ли у животных индивидуальность? Ответ на этот вопрос знает каждый, у кого есть домашний питомец. Один из моих любимых примеров привел китайский художник Ай Вэйвэй. О сорока с чем-то котах в своем пекинском доме он рассказывает так: «Один умеет открывать двери... если бы я не встретил этого кота, я бы даже не подозревал, что коты вообще на это способны». У меня самого было несколько кошек, и только одна любила играть с раскиданными по комнате клочками бумаги, и при этом каждая, несомненно, обладала своим особенным характером.

В человеческой психологии личность – это стабильный паттерн поведения, который можно выделить на фоне среднестатистического поведения популяции. Несколько десятков лет назад ученые наблюдали за большими синицами в Нидерландах и дикими толсторогими баранами в Канаде и пришли к выводу, что аналогичные паттерны поведения есть и у них: некоторые особи были, например, смелее или агрес-

сивнее. Само слово «личность» кажется специфически «человеческим», поэтому у некоторых ученых его применение в отношении животных вызывает инстинктивный дискомфорт и заставляет выдумывать абсурдные обходные понятия вроде «поведенческих синдромов». Однако индивидуальная вариабельность – один из принципов работы эволюции.

«Мы привыкли думать, что люди какие-то особенные. Но если посмотреть на биологическую подоплеку поведения, мы такие же, как многие другие млекопитающие, а те, в свою очередь, имеют базовые системы, аналогичные, например, рыбьим, – говорит Нильс Дингеманс, специалист по поведенческой экологии из Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана, один из пионеров в области исследования личности животных. – Если мы обнаруживаем у рыб такую же систему реакции на стресс, как у людей, нам это кажется удивительным. Но ничего удивительного здесь нет. Если эволюция – это выбор оптимального пути, почему бы ему не проявиться у многих видов?»

Чтобы закрыть разрыв между нами и другими животными, важно понять, что мы сами не так умны, как нам кажется. В классическом исследовании 1977 года покупатели спрашивали, какая из четырех пар нейлоновых чулок лучше по качеству. Чаще всего испытуемые выбирали крайнюю пару справа, хотя на самом деле все чулки были одинаковые, и при этом все обосновывали свой выбор тканью и совсем не упоминали о положении. Мы обманываем себя даже по

поводу собственных инстинктов.

Многим из нас инстинктивно проще признать наше сходство в умственных способностях, эмоциях и социальных отношениях с другими млекопитающими, но тяжелее распространить это на рыб, птиц и насекомых, которые совсем на нас не похожи. Тем не менее некоторые черты и способности могли появиться на дереве эволюции дальше, чем мы себе представляем. В 2016 году невролог Тодд Файнберг и специалист по эволюционной биологии Джон Маллатт предположили, что переживаемое осознают не только люди и даже не только млекопитающие и птицы, но и все животные, имеющие позвоночник. Сознание, утверждают они, существует уже как минимум пятьсот двадцать миллионов лет и появилось задолго до того, как выросли леса и эволюционировали млекопитающие. Оно существовало с тех времен, когда в кембрийский период в океанах плавали первые рыбоподобные позвоночные.

Сознание – самое скользкое понятие: попытка точно его сформулировать похожа на сборку пазла из перевернутых кусочков. Достаточно будет сказать, что сознание включает в себя способность объединять и обрабатывать полученную от разных органов чувств информацию о мире и месте животного в нем. Файнберг и Маллатт отмечают, что, судя по ископаемым остаткам, у ранних позвоночных уже были глаза с высоким разрешением и для обработки изображения им нужен был сложный мозг. Эти существа могли формиро-

вать картину мира. Стимулом для развития этой способности, видимо, стало появление хищников – червей, которые ели других червей на дне океана: началась «гонка вооружений» за более развитые органы чувств и мощь в обработке информации. Судя по всему, у некоторых беспозвоночных, в том числе насекомых, крабов и осьминогов, сознание в ходе эволюции сложилось независимо от позвоночных. Все это означает, что видеть мир можно по-разному: с точки зрения ворона, трески или краба. Несколько десятилетий назад эта мысль показалась бы нелепой.

Время от времени проводятся коммерческие соревнования между олимпийским пловцом и акулой или бегуном и гепардом, и человек, конечно, проигрывает. Есть бесчисленное множество задач, с которыми животные справляются лучше нас: собаки умеют по запаху определять болезни, в том числе коронавирусную инфекцию, а черепахи держат курс в тысячи километров (они, конечно, могут и заблудиться, но люди со спутниковой навигацией тоже). Этот принцип простирается еще дальше. У птиц, рыб, рептилий и земноводных имеются рецепторы для ультрафиолетового излучения. Колибри могут различать такие цвета, которые мы даже представить себе не можем. Может ли оказаться, что у животных есть переживания и эмоции, которых нет у нас? Или что их переживания более насыщенные?

Превосходство человека проявляется не в том, что мы когда-то себе представляли. В головном мозге африканско-

го слона намного больше нейронов, чем у нас. Мозг других млекопитающих схож с нашим по строению. В мозге рыб, птиц и насекомых меньше нейронов, и кора в нем отсутствует, однако это, кажется, не мешает ему выполнять многие аналогичные функции. Уже известно, что развитые умственные способности есть у попугаев и осьминогов, поэтому больше нельзя судить животных по их генетической близости к человеку. Может быть, если – или когда – человечество вымрет, на планете в ходе эволюции начнут доминировать и займут наше место другие виды – например, потомки сегодняшних крыс и воронов. Цитируя американского защитника природы Альдо Леопольда, люди – «лишь попутчики других существ в одиссее эволюции».

Я помню, как в моем детстве взрослые ругали мультфильмы Диснея за «антропоморфных» животных. Для ученых антропоморфизация означает предположение, что животное испытывает те же эмоции, что и мы, поскольку оно ведет себя аналогичным образом. Как и все допущения, оно не лишено недостатков, но Франс де Вааль, ведущий специалист по приматологии, считает, что *избегать* антропоморфизации еще рискованнее. С точки зрения способностей и эмоций полезнее всего видеть себя в континууме с другими животными, и то, что мы не можем решительно утверждать, какие эмоции они испытывают, больше говорит об ограничениях наших научных методов, а не об ограниченности их восприятия.

В то же время есть особенности, которые присущи только человеку. Де Вааль убежден, что (сложный) язык – единственная «уникально человеческая» черта. А вот Кон Слободчиков, специалист по поведению животных, обнаруживший у луговых собачек разные сигналы, с этим не согласен. Однако имеется мало свидетельств, что животные обсуждают вчерашние события. Уникальным для человека может быть ощущение смертности, и, несомненно, наш уровень самосознания и планирования будущего выходит далеко за пределы того, что наблюдается у других животных. Файнберг и Маллатт указывают, что форма сознания, которой обладают птицы, рыбы и насекомые, не столь богата, как наша, и, например, не позволяет им размышлять о собственных ощущениях.

С моральной точки зрения, однако, самое существенное различие между нами и другими животными заключается в том, что у нас есть власть определять их судьбу. Мы держим в своих руках жизни миллиардов особей – млекопитающих, птиц, рыб, насекомых и так далее – и будущее миллионов видов. В начале XX века люди в какой-то момент прошли точку значительного воздействия на половину свободной ото льда суши и – путем изменений климата, разрушения мест обитания и неустанной эксплуатации природных ресурсов – стали доминирующей силой на планете. Чтобы отличить современный период от предшествующих эпох, ученые называют его антропоценом. На практике это означает, что, куда

ни глянь, видны наши следы: все виды реагируют на наше присутствие, наш спрос на ресурсы, производимые нами отходы, пластмассу и парниковые газы. Этот мир построил человек, но вместе с властью приходит ответственность.

Хорошо обращаться с животными полезно для нас самих. Без экосистем, ключевым элементом которых являются другие животные, у нас не будет чистой воды, углерод не будет удаляться из атмосферы, берега не будут защищены от затопления. Многие сельскохозяйственные культуры не смогут расти без опылителей – насекомых и птиц. Чарльз Дарвин считал, что ни один вид не «сыграл такой важной роли в мировой истории», как дождевые черви, благодаря которым стало возможным сельское хозяйство. Наверное, глупо перечислять, что дают нам другие животные, потому что без них мы вообще ничего не имели бы. Тем, кто считает, будто люди создадут автономные колонии на Марсе без других видов, стоит провести некоторое время с учебником экологии – и с владельцем домашнего питомца.

Тем не менее нам непросто постичь существование других существ, обладающих сознанием. Когда я учился в университете, природу все еще считали подчиненной экономике, а не наоборот. Считалось само собой разумеющимся, что жизнь животных не имеет ценности сама по себе. Если мы готовы платить за то, что они есть, – например, потому что нам нравится смотреть на них в бинокль или потому что они опыляют наши растения, – прекрасно. В противном случае

их исчезновение и страдания не будут представлять экономического ущерба. Это не первый случай, когда экономическая теория дает сбой: если признать, что некоторые животные обладают сознанием, могут испытывать боль и имеют социальные отношения, придется признать и то, что их жизни имеют ценность. Джейн Гудолл однажды отреагировала на смерть Фло, дикой самки шимпанзе, которую она знала одиннадцать лет, такими словами: «Даже если бы я не приехала и не записала ее историю, вторгнувшись в эти нетронутые места, жизнь Фло все равно была бы важной и ценной, полной смысла, энергии и жизнелюбия».

О том, что животные могут сделать для нас, написаны другие книги. Эта книга – о том, что для животных можем сделать мы, а также о том, как нам учитывать их мировосприятие в ходе неустанного развития нашего собственного общества.

Мы часто качаем головой и заявляем, что понять других животных – и понять их правильно – очень сложно. Это отговорка. Есть у них чувство справедливости или нет – неважно, потому что оно, несомненно, есть у нас и у нас есть способность действовать соответственно. Если мы любим наблюдать за животными на отдыхе, любоваться ими на открытках и смотреть документальные фильмы о дикой природе, мы не можем закрыть глаза, заткнуть уши и не замечать вымирания видов.

Со мной это изменение произошло после рождения дочерей. Вскоре их буквально окружили животные. У нас появились до невозможности лопоухий кролик и вязаная панда – такая толстая, что ею можно было подпирать дверь. Была сова, которая пела, если ее надуть через шею, и тукан абсолютно неправильной расцветки. Еще был жираф с резиновыми ногами, которые было удобно сосать, и пластмассовый осьминог без лап, но с головой, позволяющей черпать воду в ванне, и многие другие. Это был настоящий Ноев ковчег с надписью *Made in China*. Подобный набор найдется в любой семье. Наши игрушки попали к нам разными путями: их дарили, одалживали, передавали по наследству. Вся природная иерархия была здесь нарушена: божья коровка у нас была не меньше льва, а корова по экзотичности не уступала зебре. Элизу и Клео это ничуть не смущало: для них все эти животные были безвредными и неуязвимыми главными героями человеческой жизни. А вот мне было не по себе.

Благодаря Редьярду Киплингу, Беатрис Поттер и Уолту Диснею дети не первое десятилетие имеют дело с романтическими образами животных. Поверьте, я не из тех педантов, которые заявляют, что Питер – кролик, а значит, не может носить куртку, свинка Пеппа – лишь одна из многих поросят, а тигр если и правда заглянет на чай, то сначала съест

девочку. Разумеется, книжки с картинками вводят в заблуждение: фермы в основном непохожи на пасторальные уголки, а волки и осьминоги не вынашивают зловещих планов. Это никогда меня всерьез не волновало.

Беспокоила меня картина в целом. В детских рассказах люди и другие животные взаимозаменяемы: у Микки Мауса, Винни Пуха, медвежонка Паддингтона и свинки Пеппы характера и моральных ценностей не меньше, чем у любого человека. Из всех этих книг, видео и игрушек ребенок может закономерно сделать вывод, что люди понимают животных. Конечно, мы, взрослые, уже знаем, как жить рядом с ними, и в свое время поделимся этим знанием. В книгах Элизы и Клео я видел не одну ласку, но не мог припомнить, чтобы они попадались мне в реальной жизни. Я задумался, как объяснить своим детям нашу связь с животными, и пришел к выводу, что лучше эту тему не трогать.

Начнем с того, что у людей за плечами истребление самых больших живых существ, которых они только находили, путем охоты. Когда наш вид добрался до Австралии, жившие там звери – например, восьмиметровые ящерицы и трехсоткилограммовые кенгуру – начали исчезать. Слоны, жирафы и носороги для нас – воплощение дикой природы, но если ориентироваться на любые прошлые тенденции, то они, а также все другие животные аналогичного размера могут исчезнуть за два века и крупнейшими наземными млекопитающими станут коровы. Это был бы самый мелкий рекорд-

смен за целых сорок пять миллионов лет. Я смотрел на игрушечных тигров моих дочерей, и такая перспектива приводила меня в ступор. Я боялся, что однажды они спросят меня, почему виды вымирают. Всего несколько поколений назад наши отношения с животными сводились к иерархии и триумфу. Теперь это вызывает чувство вины.

Когда речь заходит о животных, пособия для родителей советуют беречь детей от домашних питомцев и на этом останавливаются. Оно и понятно, ведь их авторы озабочены другими темами: например, как не сойти с ума, если спишь ночью по четыре часа. С другой стороны, книги о животных довольно много рассказывают о воспитании потомства. В них видно, как важны эти первые моменты. Лосось возвращается в водоем, где он проклюнулся из икринки. Альбатросы летят воспитывать потомство туда, где много лет назад родились. В книге «Утопия», вышедшей в 1516 году, Томас Мор отмечает, что только что вылупившиеся цыплята, видимо, считают людей, которые их кормят, «своими матерями». Дальнейшие исследования показали, что многие птицы эмоционально привязываются к первому движущемуся предмету, который увидели. Если утенок замечает человека и идет за ним некоторое время, он уже не будет следовать за своей природной матерью. От первых недель жизни собаки зависит, тепло ли она будет относиться к людям. Этот ранний период – время, когда нам легче всего преодолеть межвидовой барьер.

Люди – другие, но и мы задаем норму для следующего поколения на раннем этапе. Мы вынуждены выражать наш мир словами так, как никогда до этого не делали. «Совы настоящие или притворяются?» – спросила меня однажды Элиза. «А почему у динозавров перестали рождаться дети?» – поинтересовалась она несколько дней спустя. «Откуда в зоопарке так много животных?» – хотела знать Клео. Когда я решил успокоить их фотографией пикирующего в озеро орла, Элиза захотела узнать, грустно ли рыбе, когда птица ее ест. Воспитание детей может стать для нас моментом обновления, временем задуматься, кем мы хотим быть на этой планете. Но оно же может стать моментом инерции, когда мы волнуемся о падении популяции пчел и других насекомых и продолжаем коротко стричь лужайку, чтобы сделать ухоженную игровую площадку для наших маленьких людей.

Каждый родитель замечает, что детям хочется изучать мир природы. Малышей настоящие животные захватывают больше, чем игрушки. Их имена – одни из первых слов, которые мы учим в детстве, а их голоса – одни из первых звуков. На протяжении многих лет в знакомстве детей с животными люди видели элемент морального воспитания. Не могу сказать, что спасти моих дочерей от преступной жизни было для меня первой причиной рассказывать им о животных, хотя это тоже не повредит. Но чему же мне их учить?

В целом все согласны, что некоторые вещи с любовью к животным не согласуются: нельзя устраивать бои быков,

бить собак или, например, держать медведей в тесных клетках, чтобы получать из них желчь ради сомнительных медицинских эффектов. Все это грязные пятна на человечности – и при этом во многих странах такие действия не запрещены законом, а если закон и есть, полиция никогда не считает бессловесных животных приоритетом. Однако здесь нет моральной дилеммы, и, раз вы читаете эту книгу, вы, вероятно, уже согласны, что тестировать на обезьянах косметику плохо. Здесь не нужно ломать голову – лучше подключить банковский счет и сделать пожертвование организации, которая занимается благополучием животных.

Аналогичным образом в Южной Корее есть более семисот пятидесяти тысяч ферм, где собак – в том числе корги, пуделей и лабрадоров – разводят на мясо. Их часто держат в одиночку в маленьких металлических клетках, а потом убивают током. Они испытывают хронический стресс. Поскольку собаки по закону не относятся к сельскохозяйственным животным, у них нет даже той защиты, что есть у кур. Тем не менее большинство южных корейцев собак не едят, и эта отрасль в итоге прекратит свое существование.

Меня интересовали те вопросы, где мы еще не определились или уже определились, но упорно не действуем соответствующим образом. С самого начала я чувствовал, что справедливое обращение с животными означает для меня две вещи. Я не хотел, чтобы животные страдали без надобности – хотя, если задуматься, мне сложно было сказать, что кон-

кретно означает это «без надобности». Еще я не хотел, чтобы животные вымирали и даже чтобы их становилось меньше. Отправной точкой для меня было то, что для этого мы, люди, должны внести разумные и, может быть, довольно значительные поправки в нашу жизнь.

Сложности не заставили себя долго ждать. Надо ли нам убивать крыс, чтобы защитить редких птиц? Или оленей, чтобы спасти леса? Борцы за права животных говорят «нет», защитники природы – «да». Оказывается, забота об отдельных животных и забота о виде в целом вступают в прямое философское противоречие. «Защитники природы не могут поддерживать освобождение животных. Сторонники освобождения животных не могут защищать окружающую среду», – писал американский философ Марк Сагофф в 1984 году в одном из своих эссе. Его мысль заключается в том, что защитники окружающей среды заботятся об экологической целостности, в то время как борцов за освобождение животных волнует облегчение страданий конкретных особей. Вид в целом их интересует куда меньше, потому что он ничего не чувствует – чувствуют животные. Вид нельзя пнуть в живот или лишить социальных контактов. Можно предположить, что умерший в 2012 году Одинокий Джордж, последняя морская черепаха острова Пинта в Галапагосском архипелаге, не испытывал экзистенциальной тоски по поводу исчезновения своего подвида, а если и чувствовал, мы должны перед ним извиниться: теперь найдены другие гибриды это-

го подвида.

Разлад между защитниками природы и борцами за права животных продолжается десятилетиями и имеет практические последствия. Организации по защите животных – например, Люди за этичное обращение с животными (PETA), которая, по собственному утверждению, объединяет шесть с половиной миллионов членов и сторонников, или Королевское общество защиты животных от жестокого обращения (RSPCA) – сосредоточены на особях, которые находятся под контролем человека на фермах и в лабораториях. Защитники окружающей среды, например Всемирный фонд дикой природы (WWF) и Гринпис, занимаются дикими животными. Защитники животных и природы спорят, в частности, допустима ли отбраковка во имя окружающей среды: речь идет, например, об инвазивных видах или случаях резкого увеличения популяции из-за истребления естественных хищников. При этом защитники природы спокойно относятся к явной и, по их мнению, неизбежной жестокости последней – львы едят газелей и тому подобное, – в то время как многие борцы за права животных порой пытаются всеми силами спасти особь, например давая ей корм. Раскол вредит обеим сторонам: борцов за права животных обвиняют в непонимании принципов функционирования естественной среды, а значит, защитники природы рискуют оттолкнуть своих самых очевидных союзников, которые, как и они, ценят жизнь животных как таковую.

Мы рассмотрим эти дебаты ниже, но в целом я считаю, что разногласия не имеют смысла. Без сохранения окружающей среды этичное отношение к животным будет неполным. Девиз РЕТА гласит: «Животные – это не наша еда, одежда, эксперименты и развлечения». Это то, как животные *не* должны жить. А как должны? Очевидный ответ – им надо быть в местах, к которым они приспособились в ходе эволюции, и в значительной мере за пределами человеческого контроля. Например, в национальных парках, за которые борются защитники природы. Иногда животные страдают и на воле, но ведь человеческое существование тоже бывает невеселым, а мы по-прежнему считаем, что жить стоит. Что же касается отбраковки, здесь защитники природы могли бы начать серьезнее относиться к жизням животных – например, биологам стоит перестать бесцеремонно убивать животных ради сбора образцов. При этом, скорее всего, в некоторых случаях экосистема будет выходить на передний план по сравнению с отдельными особями. В национальном парке Косцюшко в Новом Южном Уэльсе, на территории которого находится самый высокогорный город в Австралии, политики запретили официальный отстрел одичавших лошадей. В результате пятая часть их поголовья в этом парке, как и предсказывали, обречена на смерть от голода. Вряд ли кто-то назовет это любовью. Без функционирующей окружающей среды нет благополучия животных и этичного к ним отношения, а природа не будет работать без множества животных.

Водораздел между борьбой за права животных и этичным отношением к природе не отражает мнения людей об этих темах. Большинство знакомых мне любителей животных желает самого лучшего *и* отдельным особям, *и* целым популяциям и видам. Мы любим смотреть видео с кошками и тиграми. Нас возмущает, когда обезьян держат в клетках и вырубают их леса. Мы не хотим ни чтобы косаток показывали в аквапарке SeaWorld, ни чтобы они вымирали. Как минимум в теории нам важно, что происходит с животными – неважно, дикими или одомашненными. В конце концов, этика животных и защита окружающей среды стоят на одном фундаменте: этот мир наполняется красотой и переживаниями не только усилиями людей, и учитывать стоит не только человеческие жизни. Любить отдельное животное – это почти неизменно желать, чтобы вид и дальше существовал на нашей планете. Несмотря на исторический раскол, защитники окружающей среды и борцы за права животных сходятся по большинству вопросов и замахиваются на столь далекоидущие изменения, что междоусобица выглядит контрпродуктивной. Они как две мыши из сказки, которые яростно спорят о том, как поделить кусочек сыра, и не замечают, что его уже стащила крыса.

В этой книге я стремлюсь соединить этичное обращение с животными и охрану окружающей среды. Смысл в том, чтобы люди прекратили причинять животным мучения, которым нет оправдания. Смысл и в том, чтобы смириться с

неизбежными страданиями диких животных: они испытывают их так же, как и радость (впрочем, ниже мы познакомимся с людьми, считающими, что когда-нибудь у нас получится улучшить им жизнь так же, как мы уже улучшаем нашу).

Считать животных важными – это не то же самое, что с удовольствием проводить с ними время. Это совпадает часто, но не всегда. Неординарный и эксцентричный Джо Экзотик из Оклахомы, который основал собственный зоопарк и был показан в сериале «Король тигров» на Netflix, явно любит тискать тигрят, но его забота об их благополучии весьма сомнительна. Австралийский философ Питер Сингер посвятил большую часть своей карьеры борьбе с жестоким отношением к животным, но сам, к изумлению многих поклонников, не слишком наслаждался их компанией. Это разница между желанием видеть других животных нашими глазами и попыткой увидеть их глазами самих себя.

Когда Сингер в 1975 году начал движение за освобождение животных, он утверждал, что здесь потребуется больше альтруизма, чем для любого предыдущего освобождения, ведь люди будут бороться не за других людей, а за другие виды. Тем не менее межвидовой барьер – нашу предвзятость в отношении других животных – можно снизить. Определенно, мы не хотим процветать за счет страданий животных – не больше, чем хотим наживаться на потогонном и детском труде.

О справедливом отношении к животным естественным

образом должен задуматься любой, кто верит в наши общие истоки, но это происходит не всегда. Возьмем Чарльза Дарвина, который сделал для формирования наших взглядов на животный мир больше, чем кто бы то ни было. Он опроверг представление, что люди полностью отличаются от других видов и превосходят их. Именно поиски общего предка впоследствии привели ученых к исследованию поведения шимпанзе и открытию эмоциональных сходств между нами. Дарвин не выносил жестокости по отношению к животным и, как мировой судья, наказывал нарушителей.

В то же время он никогда не высказывался об этосе жизни рядом с животными. «Тебя не заботит ничего, кроме стрельбы, собак и ловли крыс. Ты опозоришь и себя, и всю семью», – видимо, возмущался отец, когда будущего естествоиспытателя в восемнадцать лет отчислили с медицинского факультета. Дарвин обожал охотиться и не подвергал это занятие критике. Он не участвовал в вегетарианском движении XIX века. Он не просто ел мясо, но и не испытал ни малейших угрызений совести, съев нескольких черепах на Галапагосских островах. И это притом что ему было известно, что на острове их почти перебили, а мясо он нашел в целом «очень неинтересным». На первом месте у Дарвина стояло любопытство. Он вспоминал, как, посещая один из островов, который сегодня входит в состав Чили, заметил лисицу очень редкого вида. «Я сумел тихо подкрасться к ней сзади и ударить по голове геологическим молотком. Теперь... ее

демонстрируют в музее Зоологического общества». Дарвин убивал птиц и ящериц, чтобы разобраться, что они едят, и отстаивал вивисекцию – вскрытие живых животных в лабораториях, – если ее проводят по уважительной причине. Как и многие наши современники, он был способен отодвинуть страдания животных в дальний угол разума. «Из-за этого вопроса мне делается плохо от ужаса, так что я больше не скажу о нем ни слова, иначе не усну ночью», – писал он другу по поводу вивисекции. Дарвин любил посещать Лондонский зоопарк и пожертвовал ему свою коллекцию птиц и млекопитающих, хотя условия там в то время иногда удручали. Дженни – молодая самка орангутана, за которой Дарвин, исследуя эмоции животных, любил наблюдать в этом зоопарке в 1838 году, – умерла от болезни, не прожив и двух лет после прибытия. Ее короткую жизнь нельзя назвать исключением. Дарвин рьяно возражал против рабства, но в вопросах благополучия животных не был провидцем. В глазах общественности дарвинизм стал ассоциироваться с жестокой, аморальной борьбой за выживание. Разбираться в смысле своих научных открытий для наших отношений с другими видами основоположник дарвинизма предоставил последующим поколениям.

Хорошо то, что, когда люди все же находят время подумать о животных, они зачастую и правда меняют свое поведение. Одним из самых знаменитых защитников природы был Питер Скотт, сын капитана Скотта, исследователя Ан-

тарктики. Он родился в 1909 году и стал одним из основателей Всемирного фонда дикой природы (знаменитый логотип с пандой – тоже его творение; на нем остановились отчасти из-за того, что черно-белое изображение проще копировать). Он обожал птиц и вдохновил очень многих борцов за окружающую среду. В то же время большую часть своей жизни он любил стрелять по птицам. «Охотиться – часть мужского инстинкта, а птицы инстинктивно готовы, что на них охотятся», – писал он впоследствии. Заявление об инстинктивной приспособленности птиц к дульнозарядным ружьям всегда звучало натянуто: когда Скотту было за сорок и он воочию увидел, как проста и жестока стала стрельба, он примечательно резко изменил свое мнение.

Аналогичным образом вегетарианец Джон Макки, основатель Whole Foods Market, годами управлял этой сетью супермаркетов и лишь потом задумался, может ли он есть яйца и молоко, учитывая условия на птицеводческих и молочных фермах. «Прежде чем стать веганом, я просто смотрел в другую сторону, – рассуждал он позднее. – Наверное, я не хотел в полной мере это осознавать».

По моему опыту, изменение взглядов по поводу животных – это, извиняюсь за каламбур, вопрос эволюции. Процесс начинается с беспокойства. Я помню, как встретил одного коллегу сразу после того, как он отвез свою собаку на кастрацию. «Теперь я как бы вижу проблему, – сказал он. – Черт, это серьезно, прямо как “Рассказ служанки”». К нему

пришло неприятное осознание, что судьба других видов в нашей власти.

До того как я приступил к сбору материала для этой книги, я был вегетарианцем и любил природу абстрактно. Теперь я веган, который – при определенных условиях – поддерживает охоту и рыбалку и считает, что нам надо отдать другим видам значительную часть планеты. Вы можете прийти к другим выводам. Эта книга иногда говорит о том, что думаем «мы». Дело не в том, что все люди мыслят одинаково: я едва ли встретил хоть одну семью, где все придерживаются единого мнения по поводу животных. Однако нам, всем и каждому, следует думать о животных гораздо больше, чем сейчас, и если это будет так, то мы обнаружим много вопросов, по которым наши мнения сходятся.

В следующей главе я кратко расскажу о том, как колебалось отношение людей к животным в прошлые столетия, до начала веганской волны последних лет. После этого я рассмотрю, как люди сегодня оправдывают убийство животных: животноводство, рыбалку, медицинские исследования и охоту. Что на самом деле требуется, чтобы прокормить мир, в котором живет восемь миллиардов всеядных людей? Вторая половина книги будет посвящена нашим попыткам любить животных. Она приведет меня в Сан-Франциско, Монголию, Колумбию, Индонезию и в британскую глубинку: я побеседую с владельцами зоопарков, со специалистами по биологии охраны природы, с владельцами домашних жи-

вотных. В конце я приведу ряд практических советов о том, как мы – по отдельности и как общество – можем построить мир, где будет лучше не только нам самим, но и другим чувствующим существам. Некоторых животных мы уже ценим. Теперь нужно стать последовательнее.

Для меня это история открытий и надежд, которые подобно потокам могут слиться в большую реку. «Разум – это хаос восхищения, из которого вырастут мир будущего и тихая радость», – писал Дарвин во время своего плавания на «Бигле». Разум – это то, что больше всего отделяет нас от других животных. Разум – это то, что больше всего поможет нам гармонично с ними сосуществовать.

Раньше я полагал, что мы ведем себя не так в основном умышленно, что жизни животных просто слишком мало нас заботят. Теперь я убежден, что причина на самом деле в неумении продумывать последствия нашего поведения. Мы можем жить в большем соответствии с нашей любовью к другим видам. Мы можем разобраться, что животные могут нам дать и какие обязанности перед ними мы несем. Думая о животных чаще и глубже, мы можем раскрепостить свой разум.

1. Краткая история человека и других животных

Будьте уверены, что всякий раз, когда люди говорят «нам нельзя сентиментальничать», они собираются сделать какую-нибудь жестокость. А если они добавляют «надо быть реалистами», имеется в виду, что они собираются на этом еще и заработать.

Бриджид Брофи

Раньше я полагал, что сначала люди не думали о животных, а потом, на протяжении тысячелетий, постепенно стали добрее. Это не так. Наши отношения с животными – или, точнее говоря, с *другими* животными – порхают, как пчелка на лавандовом кусте.

Наша эволюция проходила бок о бок с другими животными. Вначале они на нас охотились, потом в охотников превратились мы сами. Самые ранние известные нам наскальные рисунки – они обнаружены в Индонезии и датируются сорока тысячами лет до нашей эры – изображают охоту на кабанов и буйволов. На большинстве рисунков в пещере Ласко во Франции – им примерно восемнадцать тысяч лет – тоже показаны животные, в том числе шерстистые носороги. Мы сделали то, на что не сподвигся больше ни один вид, – занялись селекцией других животных ради пищи и сотру-

ничества. (Коровы, свиньи, овцы и козы были одомашнены как минимум восемь тысяч лет назад. Кошки и собаки – тоже, хотя они, вероятно, играли более активную роль, когда к нам присоединялись.)

Стоит ли удивляться, что во многих ранних обществах видели духовную непрерывность между человеком и другими животными? В каком-то отношении мировоззрение людей того времени соответствовало новейшим исследованиям эмоций и сознания животных больше, чем наше. Они верили, что люди и животные (а также растения и неживые предметы) наделены душой и разумом и что у животных есть даже дополнительные человеческие тела; некоторые люди могут на время превращаться в животных, а некоторые животные обладают шаманскими силами. Согласно историям о сотворении мира, люди произошли от животных или получили от них помощь. В мифологии индейцев каяпо, которые и сейчас живут в бразильской Амазонии, крыса показала людям кукурузу: это неизбежно заставляет испытывать к крысам совсем другие чувства. Такого рода верования совсем не мешали людям убивать животных – более того, эти общества зависели от охоты. Но они же, по крайней мере теоретически, подразумевали и обязанность уважать и заботиться о животных.

Аналогичные воззрения сегодня можно встретить у многих аборигенных народов – от Канады до пустыни Калахари. В их основе лежит убеждение, что неуважение к живот-

ным напрямую ведет к негативным последствиям для людей. Черты анимизма просочились в индуистскую и буддистскую философию и подготовили почву для вегетарианского движения на Западе.

Древние египтяне мумифицировали не только трупы умерших, но и кошек, собак, крокодилов и других животных: некоторые были домашними любимцами, некоторые предназначались в пищу в загробной жизни, некоторые были дарами богам. Это не делалось по случаю или впопыхах: по оценкам археологов, до семидесяти миллионов животных выращивали специально в качестве приношений, так что разведение происходило в промышленных масштабах. Какими бы зажиточными ни становились люди, они не хотели отделяться от животных. Это убедительно доказывает, что у нас есть к ним эволюционная предрасположенность и что гены, которые обуславливают наше желание иметь хотя бы какую-то их компанию, оказались полезны.

Некоторые древнегреческие мыслители, в особенности Пифагор и Порфирий, были вегетарианцами по этическим соображениям, но в целом это явление было маргинальным. В Европе веками господствовало представление, что люди фундаментальным образом отличаются от животных. Такое деление утвердила теология. В отличие от культур, где животные считались необходимым условием человеческого существования, Библия обвиняла змея в искушении Евы и только людям давала уникальный шанс спастись, отделяя их

от животных. Фома Аквинский писал, что Господь сотворил животных для того, чтобы люди ими пользовались, а французский философ XVII века Рене Декарт заверял читателей, что у животных нет души, а их крики считал просто механической реакцией, как бой часов. До появления современных обезболивающих препаратов это был более чем полезный подход для биологов-экспериментаторов. В одной французской лаборатории ученые «с совершеннейшим равнодушием занимались избиением собак», как вспоминал обеспокоенный очевидец по имени Николя Фонтен. «Они прибивали к доске все четыре лапы бедных животных и делали им вивисекцию, чтобы наблюдать кровообращение, а затем вели оживленные беседы об этом явлении».

Ряд европейских философов придерживались мнения, что человеку опасно *хорошо относиться* к животным, а не наоборот. Декарт утверждал, что если люди начнут думать, будто у них такие же души, как у «тварей», то они придут к выводу, что «после этой жизни им не на что надеяться и нечего бояться, кроме мух и муравьев». Голландский философ Бенедикт Спиноза беспокоился, что если люди будут добры к животным, то начнут и себя воспринимать как животных, ставя под угрозу всю цивилизацию. (Как и пристало в XVII веке, в растущей мягкости к животным он винил «женственное сострадание». Это была «вторая серия» истории с Адамом и Евой, только на этот раз искусителем был не дикий змей, а домашний пес.) На заре современной Ан-

глии немисливо было даже изображать других животных – например, переодеваться в них во время представлений. Человек должен был демонстрировать особость собственного морального положения.

Попытка Декарта отмахнуться от других животных как от бездушных «автоматов» не выдержала столкновения с наукой. Он знал, что у людей и «тварей» те же самые органы (хотя его современник, английский писатель Гервасий Маркэм, и утверждал, что распиливал лошадиные черепа и не смог обнаружить там мозг). Спустя двести пятьдесят лет Дарвин докажет, что люди и другие животные имеют не только схожий мозг, но и общее происхождение.

Тем не менее люди видели у животных чувства – пусть философия Декарта и убеждала в обратном. В 1667 году английский естествоиспытатель Роберт Гук проводил перед аудиторией в Королевском обществе вскрытие живой собаки. По собственному свидетельству, он «отрезал все ребра» и «открыл живот», а затем вставил в легкие меха, чтобы поддерживать дыхание и жизнь. «Мой опыт, – рассказывал он, – был задуман для того, чтобы рассмотреть некоторые аспекты природы дыхания». Эксперимент оказался удачным, но Гук не мог отмахнуться от мучений животного. Истязание этого существа так его обеспокоило, что он воздержался от повторения эксперимента.

Постепенно и столь же неуклонно люди переставали бояться нападений животных и переживать, что цивилизация

рухнет, если проявить к животным простое сострадание. До нас не дошло записей обо всех многочисленных случаях подобного участия, но, говорят, Анна Болейн так обожала свою собаку, что, когда та умерла, лишь сам Генрих VIII осмелился сообщить об этом супруге. В блестящей книге 1983 года *Man and the Natural World* историк Кит Томас описал, как веками крошилась стена между людьми и другими животными в Британии. Переезжая в город, люди начинали видеть в животных компаньонов, а не средство производства. (Я спросил Томаса, откуда у него уверенность, что именно это привело к изменению отношения, и он привел в пример собственное детство на ферме в Уэльсе в 1930–1940-х годах. Собак там никогда не пускали в дом, а лошадей били, когда они тащили телеги по мягкому грунту во время сбора кукурузы. «Не было совершенно никаких сантиментов», — вспоминал он.) С XVII века некоторые побывавшие в Индии путешественники возвращались вегетарианцами, породив первую волну интереса к этой теме. Другими словами, даже во времена, когда господствующая религия призывала не учитывать чувства животных, многие европейцы оказывались на другой стороне.

Истоки движения за права животных на Западе восходят к английскому философу Иеремии Бентаму, родившемуся в 1748 году. Изначально он с удовольствием ел мясо, носил башмаки из тюленьей кожи и призывал знакомых убивать током голубей во имя медицинских исследований. Он радост-

но писал о модных в Англии конца XVIII века «черепашьих обедах», на которых подавали несколько блюд, приготовленных из этих рептилий, живьем доставленных с Карибских островов. Но в 1789 году Бентам написал фразу, которую борцы за права животных цитируют, наверное, чаще всего. «Вопрос не в том, могут ли они *рассуждать*, и не в том, могут ли они *говорить*, а в том, могут ли они *страдать*».

Это заявление немного блекнет, когда узнаешь, что это была всего лишь сноска. Современные борцы за права животных не всегда хотят замечать и вывод Бентама, что человеку разрешено убивать и поедать животных, поскольку смерть животного в данном случае «более быстрая [и] не такая болезненная», чем «неизбежный порядок природы». (Он добавил и довольно спорное утверждение: «Смерть никогда им не вредит».) Впрочем, будучи утилитаристом, он скептически относился и к существованию естественных человеческих прав.

Вопрос Бентама тем не менее ознаменовал сдвиг в человеческом восприятии животных. Да, другие животные выглядят, думают и действуют не так, как мы. Да, Библия говорит, что люди властвуют практически над всеми видами животных. Однако Бентам сравнивал ситуацию с рабством: раз черный цвет кожи не дает права истязать человека, «когда-нибудь будет признано», что не следует истязать и животных на основе их физических отличий от нас. Их благополучие нужно учитывать.

В то время в мире не существовало эффективных законов против жестокого обращения с животными. Англичане по-прежнему собирались поглазеть на травлю собаками привязанного к столбу быка или медведя. Для этого действа даже вывели специальную породу с мощными челюстями, которые лучше впились быку в нос. Эти «бычьи псы» – предки современных бульдогов. (Мнения о том, был ли хоть раз у быка шанс спастись, расходятся.) Пытку быков оправдывали кулинарными соображениями: как считалось, травля разжижает у них кровь и делает мясо мягче. Как минимум один раз такую забаву устроили на свадьбе. Впоследствии аристократия потеряла интерес к травле быков, и критиков стали обвинять в том, что они мешают трудящимся развлекаться.

На Западе тон в борьбе за права животных задавала Британия, что, наверное, неудивительно для первой индустриальной державы и первопроходца в области урбанизации. В начале XIX века выдающийся адвокат по имени Томас Эрскин, отойдя от дел, решил начать крестовый поход за гуманное обращение с животными. Это был неожиданный поворот, учитывая, что будущий реформатор за тридцать лет пребывания в парламенте не предложил ни единой поправки к закону и к тому же слыл напыщенным эгоистом: журналисты, сообщавшие о его выступлениях, шутили, что в типографской кассе не хватает буквы «я». Но животных адвокат, видимо, любил почти как самого себя. Автор его биографии упоминает о том, что в доме были собаки, ручной гусь, по-

пугай ара и даже две пиявки, которые, по мнению хозяина, спасли ему жизнь.

В 1809 году Эрскин предложил запретить жестокое обращение с животными. Аргументацию он строил не на Бентаме. Он апеллировал к «тому, что все [парламентарии] каждый день неизбежно видят в жизни»: как стегают до смерти коней, чтобы люди могли совершать ненужные поездки, «наполняя мрачную пустоту своих праздных жизней». Этот подход стал мостом между старым христианским мировоззрением и сегодняшним дискурсом о правах животных. Эрскин не спорил, что Бог дал людям власть над животными и что некоторые черты животных «явно сотворены» для того, чтобы мы ими пользовались, но утверждал при этом, что Господь даровал каждому животному «органы и чувства, чтобы испытывать наслаждение и радость» и что животные имеют почти каждое чувство и эмоцию, которыми наделены люди.

Весьма примечательно, что права животных принимали всерьез во времена, когда хватало других забот, самой возмутительной из которых было рабство. Британия отменила работорговлю лишь в 1807 году и вдобавок не освободила рабов в своих карибских колониях. Вообще говоря, аналогия с рабством, которую проводил в том числе и Бентам, могла поспособствовать мобилизации борцов с жестоким обращением с животными. Эрскина поддержал Уильям Уилберфорс, ведущий британский борец за отмену рабства, — несколькими годами ранее он первым нанял адвоката в се-

мейном споре. Уилберфорс утверждал, что исправление человеческих взглядов на сотворение животных «создаст почти неисчислимую сумму нежного счастья».

Попытки Эрскина провалились, и все же в 1822 году британский парламент запретил жестокое обращение с коровами, лошадьми и другими сельскохозяйственными животными, и некоторые деятели, включая Уилберфорса, образовали Королевское общество защиты животных от жестокого обращения (далее RSPCA) для содействия в применении этого закона. Впоследствии Общество успешно пролоббировало распространение запрета на другие виды. В 1835 году стала нелегальной травля быков, уже и без того вышедшая к тому времени из моды. Крыс по-прежнему травить было можно: собаку для этого помещали в яму, где было до двухсот грызунов, и зрители делали ставки, сколько в итоге будет убито. Выжила и охота на лис: права аристократов оказались приоритетнее прав животных. Более того, многие ведущие представители RSPCA сами участвовали в кровавых развлечениях, и общество не возражало против лисьей охоты вплоть до 1971 года.

В 1842 году в Англии впервые использовали слово «вегетарианец» – видимо, в те времена оно обозначало диету, которую мы теперь считаем веганской. Сторонники этого «овощного питания» подолгу обсуждали его пользу для человека, включая «сладость нрава», но не пользу для животных. Противники насмехались над ними и намекали на по-

ловое бессилие.

Борьба за права животных набирала обороты и за пределами Британии. Весь XIX век одним из самых убедительных аргументов в пользу введения наказаний за жестокое обращение с животными была связь между этим явлением и насилием в отношении людей. До этого животные считались просто имуществом, поэтому наказывать можно было за ущерб чужим животным, но не собственным. В 1821 году в штате Мэн приняли первый в США закон о благополучии животных, согласно которому за «жестокие побои любой лошади или крупного рогатого скота» полагался штраф в размере от \$2 до \$5 (по сегодняшним ценам это где-то от \$45 до \$100) или до тридцати дней тюремного заключения. Вскоре примеру последовал Нью-Йорк, где в 1866–1867 годах закон был расширен на всех живых существ – во многом благодаря лоббированию со стороны недавно образованного Американского общества защиты животных от жестокого обращения. Его, как и британский аналог, поддерживали во многом высшие и средние классы. В 1868 году оно добилось наказания человека, перегрузившего телегу с запряженной лошастью.

XIX век стал вершиной зависимости человечества от лошадей: они были нужны для перевозки людей и грузов, для сельского хозяйства, войны и спорта. Работа, которую выполняли лошади, была во многом механической, и обращались с ними зачастую как с бесчувственными машинами. Ан-

гличане считали свою страну «адам для лошадей», а французы аналогичным образом думали о Франции – редкое единение для обоих народов. Жестокость вытекала не только из экономических соображений, но и из моды: владельцы предпочитали туго натягивать удила, так как это придавало лошадям бодрый вид, хотя и не позволяло опустить голову и могло повредить трахею. (Сегодня отголоски этого явления – приоритета внешности за счет здоровья – наблюдаются при выведении некоторых породистых собак.) Борьбе с подобными удилами была посвящена вышедшая в 1877 году и сразу ставшая бестселлером книга «Черный красавчик: его конюхи и товарищи, автобиография лошади» Анны Сьюэлл. Читателям предлагалось не просто пожалеть животных, но и посмотреть на мир их глазами. Таким образом, наша близость к лошадям породила и жестокость, и движение против жестокости.

Коней вытеснили электричество, двигатели внутреннего сгорания, пулеметы, танки и даже – в конечном счете – футбол. К началу XX века в них стали видеть опасность и причину антисанитарии: в Париже они производили более чем две тысячи тонн навоза в сутки. Общество просто не могло мириться с таким потоком нечистот, по крайней мере до появления YouTube. Лошади перестали вписываться в города, которые когда-то помогли создать. В западных странах их теперь меньше и с ними обращаются так хорошо, как еще не обращались в современной истории: это свидетельствует

о том, что нам проще полюбить животных, когда нет экономической зависимости от них.

В других отношениях XIX век все еще продолжает формировать наше отношение к животным. Переселение в города могло бы стать попыткой отрезать себя от других животных, но вместо этого люди начали держать домашних питомцев и создавать зоопарки в их современной форме. Путь здесь проложила Вена, где в 1779 году для публики был открыт императорский зверинец. В 1828 году зоопарк появился в Лондоне, в 1838 году – в Амстердаме, в 1874 году – в Филадельфии. Слово *domestication* – «одомашнивание» – стали использовать в Англии в 1770-х годах, во Франции понятие *la domesticité* возникло через несколько десятилетий. К XIX веку в обеих странах с энтузиазмом взялись за выведение новых пород собак и скота. Борцы за права животных занялись попытками умерить жестокость, особенно вивисекцию. Бойни убрали подальше от глаз. Викторианская эра сформировала и наше понимание животных – прежде всего благодаря дарвиновской теории эволюции, показавшей, что мы, в конце концов, не так уж и отличаемся от других видов.

Но сдвиг мог бы быть куда значительнее. В 1871 году, через двадцать лет после «Происхождения видов», Дарвин опубликовал книгу «Происхождение человека и половой отбор», где писал, что некоторые общественные животные могут обладать «чувством правильного и неправильного» и что они, несомненно, приобрели бы его, будь они столь же раз-

виты интеллектуально, как люди. Год спустя в «Выражении эмоций у человека и животных» он объяснил свое убеждение подробным наблюдением за тем, как морды животных отражают эмоции. Мысли Дарвина предвосхитили современные исследования о том, какие чувства испытывают животные и какие состояния им следует приписывать. «Выражение эмоций» оказалось куда менее влиятельной работой в наследии ученого, чем «Происхождение видов», которое уже привело к развитию генетики. По словам Алекса Тейлора, возглавляющего группу по исследованию разума животных в Оклендском университете, специалисты в области сравнительной психологии продолжают спорить о ключевых вопросах, когда речь заходит о возможных эмоциях животных.

На протяжении большей части XX века преобладающим подходом был бихевиоризм, согласно которому главное – это не внутреннее состояние животного, а его поведение, и это поведение можно формировать выборочным вознаграждением. В человеческой психологии бихевиоризм уже вышел из моды: раз внутренние состояния не имеют значения, как же объяснить слова, которые мы произносим? Тем не менее в отношении животных бихевиоризм оставался ведущим течением. Его последователи необязательно недооценивали способности животных. Например, виднейший представитель этой школы, Беррес Скиннер, во время Второй мировой войны учил голубей управлять бомбардировщиками, пока

Военно-воздушные силы США не закрыли проект: не смогли оценить всю полноту их внутреннего мира. Франс де Вааль, специалист по приматам, вспоминает: «Как только говоришь: “Моя собака завидует”, они заявляют: “Это антропоморфизация”. Это ставит точку в дискуссии: если ты антропоморфизируешь, ты не прав». Господствовал Декарт, а не Дарвин, и это не давало нам принимать животных всерьез.

Постепенно ученые разбили оковы бихевиоризма благодаря этологии – новому подходу, согласно которому поведение животных – это прежде всего следствие их чувств, генетики и опыта, а не только дрессировка. В 1960-х годах Джейн Гудолл отправилась в леса Танзании и воочию увидела, как сложны и многогранны социальные взаимодействия шимпанзе. Гудолл дала им имена и говорила о них как о друзьях. Синтия Мосс описала упорядоченные матриархальные общества африканских слонов. Браконьеры в погоне за слоновой костью не просто убивают отдельных особей, но разрушают сообщество этих животных и лишают их возможности учиться. Де Вааль узнал, что шимпанзе, как и люди, утешают друг друга. Потом обнаружил, что желтобрюхие полевки тоже так поступают: если самка испытывает стресс, уровень гормона стресса повышается и у ее партнера. Когда пара объединяется, самец начинает активно ухаживать за самкой. Эти полевки – моногамные очаровательные создания, похожие на хомячков. Наверное, нам всем не помешало бы подобное внимание.

В 2012 году на конференции в Кембриджском университете группа нейробиологов подписала документ с громким названием «Кембриджская декларация о сознании». В нем говорится, что нервная система, дающая начало сознанию, есть не только у человека, но и у «всех млекопитающих и птиц, а также у многих других существ, в том числе осьминогов». Тем не менее из-за затянувшегося признания психической сложности животных соперничество у нас не поспевает за прогрессом.

Зато наша способность причинять животным мучения набирает обороты. В XIX веке не только появилось слово «вегетарианец», но и произошел рост потребления мяса в Европе, США и за их пределами. В Японии до 1870-х годов из-за буддистского запрета на убийство животных в рационе было очень мало мяса (но не рыбы). Затем при императоре Мэйдзи пропаганда потребления этого продукта стала одним из элементов политики модернизации и соперничества с Западом. Монарх дал понять, что регулярно ест мясо, а правительство объявило, что это полезно для здоровья, и начало активно продвигать домашнее разведение скота. Перемены произошли и в Индии: мясоедение стало ассоциироваться с британским могуществом, и некоторые восприняли эту привычку, чтобы приобщиться к этой силе. В молодости мясо некоторое время ел даже Махатма Ганди.

Введение запрета на жестокое обращение с животными не мешало охотникам устраивать кровопролитие. С появле-

нием новых казнозарядных винтовок убийство на суше стало небывало легким делом: в США начали исчезать бизоны, а в Африке южнее Сахары – слоны. Гарпунные пушки с копьями-гранатами, запатентованные в 1870 году норвежским охотником на тюленей Свенон Фойном, привели к аналогичному результату в океанах: с небольшого парового судна, оснащенного таким оружием, можно было гарантированно убить даже самое большое животное в мире. В то время все это казалось прогрессом, но вскоре появилось осознание, что таким образом люди могут привести к вымиранию других видов.

Пугающие последствия охоты на фоне большого интереса к естественной истории и запрета на жестокость к животным породили современное природоохранное движение. Законы в отношении дичи уже существовали, и в 1869 году Кристофер Сайкс, член парламента от Йоркшира, предложил распространить их на морских птиц. Он привел весьма изощренную аргументацию: если не ввести запрет, страдают люди, ведь моряки торговых судов в туманную погоду ориентируются у берега по птичьим крикам, а парящие над водой птицы помогают найти косяки рыбы. Закон о защите морских птиц стал основой для введения сезонов охоты на некоторых пернатых.

Защита природы с самого начала привлекла и охотников, которые хотели добывать животных, и тех, кто считал охоту кошунством. Вооруженный до зубов Теодор Рузвельт

осознал, что без сохранения природы охотники сами поставят под угрозу свое излюбленное развлечение, а ненавидящий оружие Джон Мьюр наслаждался ландшафтами и тем, что ему казалось дикой природой. В 1872 году в США был создан первый в мире национальный парк Йеллоустон, где люди получили возможность любоваться величественными пейзажами, а некоторые бизоны – скрыться от охотников. Этот парк со своими достоинствами и недостатками станет образцом для национальных парков по всему миру, но в его истории есть и темная страница: индейцев, которые жили в этом районе, выгнали с родных мест.

Человечество продолжало расти и богатеть, и вслед за этим росло давление на животный мир. Век назад появилось промышленное животноводство. Изначально курятина была лишь побочным продуктом производства яиц, но в 1920-х годах в Делавэре начали разводить кур на мясо. Птицефермы выросли с нескольких сот голов до десятков тысяч: хозяйева догадались, что птицу можно всю жизнь держать взаперти, если давать ей витамин D. После Второй мировой войны фермеры для повышения эффективности начали содержать свиней в металлических клетках, а коров – в стойлах. Когда потребители начали протестовать, подобная практика уже успела укорениться в мировом масштабе.

В 1962 году в книге «Безмолвная весна» американский биолог Рейчел Карсон писала о разрушении, которое посеяли пестициды, и призывала человечество прийти к «разум-

ному компромиссу с ордами насекомых». «Безмолвную весну» часто называют переломным моментом в движении за охрану окружающей среды – она привела к запрету пестицида ДДТ, – однако после ее выхода популяция насекомых в мире не только не восстановилась, но, по-видимому, сокращается все больше. Новые пестициды нанесли непреднамеренный вред пчелам, вспашка изгоняет червей, а искусственное освещение сбивает с толку светлячков. Самые разные насекомые не могут выдержать неустанной человеческой экспансии, загрязнения и эксплуатации природы. Возможно, с начала промышленной революции уже вымерло от 5 % до 10 % их видов. Мы лишь смутно представляем себе, сколько видов последуют за ними и как их отсутствие скажется на нашем существовании.

Если современное природоохранное движение зародилось в США под влиянием Мьюра и Карсон, движение за права животных возникло в Британии, и причиной тому послужило осознание реалий промышленного животноводства. «Теперь нам представляется невероятным, что греческие философы углублялись в вопросы добра и зла и при этом *не замечали* аморальности рабства, – писала романист и активист Бриджид Брофи в одном из эссе в 1965 году. – Наверное, через три тысячи лет будет казаться столь же невероятным, что мы не замечаем аморальности угнетения животных». Во Франции Брижит Бардо в тридцать восемь лет перестала сниматься в кино и посвятила себя борьбе за пра-

ва животных. Она объявила, что не хочет принадлежать к человеческому виду до тех пор, пока он ведет себя «нагло и кровожадно». Эта деятельность стала восприниматься как прогрессивное проявление контркультуры, а не что-то пуританское из XIX века.

В 1970 году британский психолог Ричард Райдер попытался поставить права животных в контекст расового неравенства и борьбы за права женщин. Чтобы обозначить пренебрежительное отношение людей к другим видам, он придумал термин «видовая дискриминация». Это обозначило новый этап борьбы за права животных: заботиться не столько о постепенном улучшении благополучия животных, сколько о предоставлении им прав, которые поставят под вопрос важнейшие человеческие подходы. В 1975 году друг Райдера Питер Сингер опубликовал книгу «Освобождение животных», где выделил худшие методы ферм и научных лабораторий и заявил, что люди обязаны учитывать интересы животных. Решение проблемы видовой дискриминации означает не относиться к другим животным как к людям, а, скорее, признать, что они испытывают сопоставимые страдания. (Сингер, как и Бентам, был утилитаристом и предпочитал прежде всего взвешивать интересы.) Среди тех, кто был вдохновлен Сингером, оказался Генри Спира, борец за права трудящихся. В 1979 году он провел успешную кампанию против использования кошек и собак из приютов Нью-Йорка в медицинских исследованиях. «Освобождение животных»,

наверное, самая влиятельная книга о жестоком обращении с животными, но мировое производство мяса с момента ее выхода утроилось. Это парадокс: мы вроде и заботимся о животных, но их перспективы все хуже.

* * *

Наверное, после 1970-х годов самым важным десятилетием в борьбе за права животных стали 2010-е. Судя по всему, назревает переосмысление. В Британии в 2014 году началась кампания Veganuary, призывающая весь январь не есть мясного, молочного, яиц и других продуктов животного происхождения. Пища стабильно занимает все более важное место в нашем чувстве идентичности: как выразился Тайлер Коуэн, «однажды мы любили “Битлз”, теперь мы едим жучков». Может быть, мир решил попробовать веганство, потому что уже перепробовал и отбросил все остальные способы питания? С декабря 2015 года по декабрь 2016-го в Google стали в два раза чаще вводить запрос *vegan*. В 2020 году к Veganuary присоединилось четыреста тысяч человек – это стало новым рождественским обещанием, чем-то вроде решения начать ходить в спортзал. Вновь обретенная чувствительность к благополучию животных на этом не остановилась. Корпорация Volkswagen наконец перестала тестировать на обезьянах дизельные автомобили. Голливуд всего несколько десятилетий назад был сосредоточен на исходя-

щей от животных опасности и снимал фильмы вроде «Челюстей» и «Анаконды», а теперь из-за жалоб зрителей британское реалити-шоу I'm a Celebrity... Get Me Out of Here! не разрешает заброшенным в джунгли участникам поедать живых насекомых.

Что-то изменилось. В 2015 году уже каждый третий американец считал, что животные должны иметь ровно те же права, что и люди, в отношении свободы от эксплуатации и причинения вреда – в 2007 году это мнение разделяла всего четверть населения. Женщины были с этим согласны почти вдвое чаще мужчин, а демократы – почти в два раза чаще республиканцев. В Нидерландах была основана Партия защиты животных. Она занималась исключительно этими вопросами и выступала по различным темам – от размеров аквариумов для золотых рыбок до введения евро. В 2017 году партия получила пять мест в парламенте страны. «Общественность хочет, чтобы политики лучше защищали животных, и если они этого не делают, то такая партия, как наша, явно получает огромный шанс вырваться вперед», – заявляет ее нынешний лидер Эстер Ауэханд.

На 2016 год лишь 2 % взрослых британцев называли себя вегетарианцами и еще 1 % считали себя веганами. В США вегетарианцев 5 %. В Испании, стране ветчины и рыбы, не ест мясо, наверное, всего 1,5 % населения. Данные часто отрывочные, но вегетарианцы почти наверняка составляют менее десятой доли жителей любой западной страны. Маяком

для многих вегетарианцев остается Индия, где распространено индуистское и джайнское наследие, а конституция обязывает государство принимать меры для запрета убоя скота. Тем не менее почти три четверти индусов признаются, что едят мясо, и это число может быть даже выше: последние исследования указывают, что многие говорят в опросах неправду, так как испытывают культурное давление.

Почему же нам требуется так много времени, чтобы изменить свой подход? Любители животных существовали всегда. Аргументы, которые сегодня приводят в пользу вегетарианства и веганства, в той или иной форме были сформулированы еще в XIX веке, а во многом и раньше. Меняет поведение лишь малая доля населения, но теперь к ним впервые прислушался мейнстрим. Изменились две вещи. Прежде всего, климатический кризис заставил людей по всему миру осознать, как шатко наше будущее и какой разрушительный образ жизни мы ведем. Меня изменения климата тревожили всю взрослую жизнь. В последние несколько лет это перестало быть просто политическими целями, в которые я верю, и стало очевидной, ежедневной реальностью – пониманием, что мы слишком долго тянули и теперь на наше будущее легла тень. Лучшее лекарство от этой тревоги – ходить на марши протеста и видеть, как много людей ее разделяет.

Другое изменение – это появление социальных сетей. Урбанизация нарастает с XIX века, и между нами и животными появилось физическое расстояние, особенно после того

как с улиц исчезли лошади. Социальные сети сократили этот разрыв. Может быть, ролики с котами не такая уж большая трата времени. Может быть, они сделали нас чувствительнее. Я сам смотрел, как панды катаются по склону холма и пытаются поймать свой чих. Благодаря интернету маргинальным вопросам, несомненно, легче вырваться в мейнстрим: прав животных это касается в той же степени, что и повестки альтернативных правых. Базирующийся в Нью-Йорке сайт The Dodo стал «наркодилером» роликов вроде «Курица каждое утро выбегает встретиться со своей человеческой сестрой» и «Собака копирует за папочкой все позы йоги». Теперь группа стала крайне популярна в «Фейсбуке» и постоянно показывает, что животные не только приносят радость, но и прежде всего являются существами с личностью и свободой выбора. Оказывается, люди хотят на все это смотреть и хотят демонстрировать это увлечение друзьям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.